

Бесплатно

отработано

ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

На правах рукописи

НЕРАДЕНКО
Татьяна Николаевна

УДК 902[•]637[•]/470.6/

СВЯЗИ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
С НАСЕЛЕНИЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ
И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
В КОНЦЕ II – НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Исторические науки — 07.00.06 — археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Дорогие читатели! Спасибо за интерес к моему исследованию. Я надеюсь, что оно будет полезно для вас и интересно! 22/11/88 г.
П. Н. Нераденко

КИЕВ — 1988

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н.Толстого и в отделе охраны памятников истории и культуры Черкасского областного краеведческого музея

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ЧИАССР ВИНОГРАДОВ В.Б.

Официальные оппоненты :
доктор исторических наук ПОГРЕБОВА М.Н.
кандидат исторических наук НЕЧИТАЙЛО А.Л.

Ведущая организация – Государственный Эрмитаж

Защита состоится "22" ноября 1988 года
в "14 00" часов на заседании специализированного совета
шифр Д 016.47.01 по защите докторских диссертаций при
Институте археологии АН УССР.252025, г.Киев,ул.Владимирская,3.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Института археологии АН УССР.252014, г.Киев,ул.Выдубецкая, 40.

Автореферат разослан " _____ " 1988 года

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат исторических наук

Бакуленко Л.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы определяется прежде всего той важной ролью, какую имеет исследование взаимоотношений древних племен для изучения их материальной культуры. Всестороннее исследование взаимосвязей с населением соседних и более отдаленных областей, уяснение их характера, направленности, роли и значимости поможет в конечном счете получить конкретное и соответствующее исторической действительности представление об особенностях культуры изучаемых племен.

Исследование связей Северного Кавказа с Центральным Закавказьем в последние века II – начале I тысячелетия до н.э. позволяет уточнить время формирования и расцвета кобанской культуры, проследить вклад в неё закавказских культур и степень влияния древневосточных цивилизаций. Выбранное направление связей важно для характеристики дальнейшего развития кобанской культуры.

Проблема связей Северного Кавказа с югом в конце II – начале I тысячелетия до н.э. давно поставлена в археологической литературе. Однако большинство работ посвящено изучению категорий или отдельных предметов южного облика. Работы, имеющие обобщающий характер, ещё очень редки. Результаты археологических изысканий последних 20–30 лет поставили на повестку дня задачу комплексного исследования поставленной проблемы.

Цель работы состоит во всестороннем изучении древних связей племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и определении степени влияния цивилизаций Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н.э.

В соответствии с общей целью в диссертации ставятся следующие задачи: 1 – систематизировать и классифицировать основной фонд предметов южного облика, разработать хронологию закавказских заимствований и установить их характер; 2 – выяснить возможные причины активизации связей, охарактеризовать их формы, определить районы наиболее тесных контактов в Центральном Закавказье; 3 – изучить влияние рассматриваемых связей на экономическое, социальное и духовное развитие северокавказских племен; 4 – исследовать связи северокавказских племен с населением Древнего Востока, определить их характер, пути и направления; 5 – воссоздать общую картину связей племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций Древнего Востока в

изучаемую эпоху.

Методологической основой диссертации является диалектико-материалистическое понимание закономерностей исторического развития, марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях.

Научная новизна работы. Впервые предпринимается обобщение и всестороннее изучение фонда образцов центрально-закавказского и древневосточного облика из памятников Северного Кавказа. Разработка классификация отдельных категорий археологического материала на основе опыта предшественников и с учетом новейших находок.

Впервые в научной литературе делаются обобщающие выводы об истоках, путях и времени проникновения языческих форм и традиций на Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы. В работе сделан существенный шаг в толковании вопроса о связях Северного Кавказа с культурами Древнего Востока. По-новому рассматривается механизм опосредованного влияния цивилизаций Древнего Востока на Северный Кавказ, определяются пути и степень этого влияния.

Предпринимается историческая интерпретация и реконструкция общей картины взаимосвязей Северного Кавказа с Центральным Закавказьем и цивилизациями Древнего Востока, начиная с последней трети II тысячелетия до н.э. При этом исследуются причины их активизации, эволюция в развитии, причины упадка и другие проблемы.

Источниковую базу работы составляют категории археологического материала языческого облика. Часть из них происходит из дореволюционных раскопок и сборов (В.И.Долбенева, К.И.Ольшевского, Тимофеева, Б.Дзелихова, Д.Я.Симоквасова, А.С.Уварова, И.С.Увловой, Ф.Байерса, Р.Вирхова и др.). Другие найдены при раскопках советских археологов (Е.И.Крупнова, В.И.Марковина, В.И.Козенко-вой, В.Б.Виноградова, С.Л.Дударева и др.). В работе использованы опубликованные материалы, а также фондовые коллекции и прахиевые данные, хранящиеся в ИА АН СССР, ГИМе, в краеведческих музеях гг. Грозного, Орджоникидзе, Нальчика, Пятигорска, Кисловодска. Широко использованы материалы археологических культур Закавказья, среди которых имеются как опубликованные находки, так и не получившие научного освещения в литературе. Последние хранятся в фондах закавказских экспедиций (Мцхетской, Линвельской) и музеев Грузии (ГМГ, Душетский и Мцхетский краеведческие музеи). Автор выражает глубокую благодарность В.Б.Виноградову, В.Садрадзе, Р.Давидзе за разрешение использовать неопубликованные

материалы, С.Л.Дудареву и И.Молашвили за ценные научные консультации, Л.Н.Панцхава за переводы работ с грузинского языка.

Практическая ценность работы состоит в применении основных выводов при изыскании общечастных работ по археологии и древней истории Северного Кавказа и Закавказья. Фактические материалы могут быть использованы при подготовке археологических и историко-краеведческих спецкурсов для студентов вузов, в широкой краеведческой работе, в лекционной пропаганде. Освещая одну из малоизученных страниц древней истории многонационального региона, выявленные работы приобретают определенную значимость в патриотическом и интернациональном воспитании.

Аprobация результатов исследования осуществлялась в виде публикаций тезисов и научных статей в археологических изданиях и выступлений с научными сообщениями на конференциях и заседаниях научно-методического "Кавказоведческого семинара" (ЧИГУ им. Л.Н.Толстого).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы и альбом иллюстраций.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении на основе марксистско-ленинской методологии охарактеризованы экономические предпосылки и объективные условия для возникновения и расширения межплеменного обмена в горах Северного Кавказа в последние века II тысячелетия до н.э. Носители кобанской культуры были пастушескими племенами, которые имели хорошо развитое скотоводство, дававшее избытки продуктов и сырья. "Это впервые сделало возможным регулярный обмен" (Ф.Энгельс). Кобанские племена имели мощное металлургическое производство бронзовых изделий, базировавшееся, быть может, частично на местной руде, но и питаемое извне, с юга (А.А.Кессан, Е.И.Крупнов, Е.Н.Черных, Т.Б.Барцева). Избытки высокоразвитого скотоводства и излишки бронзолитейного производства должны были обмениваться на недостающие продукты земледелия и сырье для металлургии. Обмену способствовала также система отгонного скотоводства и еще один "экономический" стимул, охарактеризованный Ф.Энгельсом как вто-

ное общественное разделение труда. Есть все основания предполагать, что в конце II – начале I тысячелетия до н.э. на Центральном Кавказе уже происходил процесс выделения металлургического ремесла в особую отрасль производства (Б.В.Техов, В.И.Козенкова).

Интенсивное развитие производительных сил кобанского общества вело к изменениям в социально-экономическом укладе. Выдвигавшаяся родовая знать была в первую очередь заинтересована в налаживании регулярного обмена, используя его в своих интересах. Расширению обмена способствовало наличие транспортных средств, использование лошади в качестве верхового животного при перекочевках (А.А.Иессен, Г.Ф.Джафаров, Б.В.Техов, В.М.Шамиладзе).

Во введении сформулированы общая цель и конкретные задачи исследования, подчеркнуты актуальность и научная новизна работы.

Обоснованы территориальные границы и хронологические рамки исследования. Северный Кавказ включает в себя северные склоны центральной части Большого Кавказского хребта и предгорно-плоскостные районы современных территорий Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, то есть ту территорию, на которой в конце II – начале I тысячелетия до н.э. бытовала кобанская культура. Центральное Закавказье включает исторически сложившиеся области Грузии – Шида и Квемо Картли, Кахети, Имерети, Месхет-Джавахети, а также Северную Армению.

Хронологические рамки изучаемых связей охватывают период с последней трети II тысячелетия до н.э., когда фиксируется заметное усиление контактов северокавказских и шидакартлийских племен, до III в. до н.э., когда скифские походы через Кавказ открывают новый этап в развитии племен Кавказа.

В Главе I дан историографический обзор. Отмечено, что вопрос о связях Северного Кавказа с Центральным Закавказьем и цивилизациями Древнего Востока как целостная проблема ставится в научной литературе впервые.

Начальный этап в изучении поставленной проблемы связан с довоенной историографией. В конце прошлого века первые исследователи кобанских древностей обратили внимание на ряд элементов в культуре, не свойственных местной среде, но заимствованных из более южных областей Закавказья и Передней Азии (Р.Вирхов, В.И.Долбехов, В.Ф.Миллер, А.С.Уваров, Г.Шантр, П.С.Уварова и др.).

Дальнейшее изучение отдельных сторон связей кобанцев с югом связано с именем А.А.Иессена, который высказал в ряде работ интересные наблюдения и предположения. Среди них: правильная оценка прогрессивного влияния Передней Азии на Кавказ, вывод о постоянном обмене между Северным Кавказом и прилегающими областями Восточной Грузии, выяснение причин активизации межплеменного обмена в период разложения первобытно-общинного строя.

Большой вклад в изучение поставленной проблемы внес Е.И.Крупнов. Значение его усилий определяется следующим: изучением отдельных категорий предметов, указывающих на связи с Закавказьем и Древним Востоком; выявлением закавказских форм и традиций среди местного археологического комплекса; предпринятыми первыми попытками обобщения археологического материала, характеризующего существование тесных связей Северного Кавказа с югом.

Важные выводы по изучаемой проблеме сделаны Д.Газдапустай. Особого внимания заслуживает мнение ученого о том, что переднеазиатские типы в материалах кобанской культуры появились вместе с изделиями Закавказья.

Указанные работы внесли большой вклад в изучение отдельных категорий предметов южного облика, в освещение некоторых важных аспектов исследуемой проблемы. Редкость обобщающих работ на этом этапе вполне объяснима: имеющийся археологический материал требовал изучения и характеристики, но был недостаточен для всесторонней интерпретации и общих построений.

Последние два-три десятилетия были особенно плодотворны в укреплении источников базы. Изучение археологических находок проводилось на более высоком уровне и с учетом опыта предшественников (Е.И.Крупнов, В.И.Козенкова, В.Б.Виноградов, М.Н.Погребова, С.Л.Дударев и др.). Этими работами создана основа для сегодняшнего комплексного подхода к проблеме взаимосвязей северокавказских племен эпохи поздней бронзы с центрально-закавказскими и более отдаленными областями.

Историографический обзор включает труды закавказских археологов. Ценными являются работы, посвященные изучению отдельных категорий предметов, распространенных широко в Центральном Закавказье: тесел с боковыми выступами (Б.А.Куфтин, О.М.Джаларишвили, Д.Л.Коридзе), глиняных штампов (М.Н.Лордкипанидзе, И.Г.Нариманов, Б.В.Техов), различных видов вооружения (К.Н.Пицхелаури, Г.А.Лом-

татидзе, С.А.Есаян и др.), бронзовых гравированных поясов (Б.Б. Пиотровский, К.Х.Кушиарева, М.Ш.Хидашели, Дж.А.Халилов и др.). Подчеркнута важная роль работ, посвященных изучению позднебронзовых культур Закавказья, в которых ученые неизбежно касаются вопроса связей местных племен (Р.М.Абрамишвили, М.В.Барамидзе, А.Н. Каландадзе, А.А.Мартirosyan, Н.И.Окропиридзе и др.).

В работе использованы труды по дагестанской археологии (В.Г. Котович, О.М.Давудов, М.Н.Пикуль). В конце главы дана краткая характеристика источников базы.

В Главе II рассматриваются виды вооружения южного облика из памятников Северного Кавказа изучаемого периода.

Кинжалы переднеазиатского типа происходят из Фаскау и Кумбулты (5 экземпляров). Выделен кавказский вариант этого вида оружия на основе сводок А.А.Иессена, Е.И.Крупнова, М.Н.Погребовой, Г.Ф.Джафарова. Около 30 находок в регионе объединяются в одну группу по ряду общих признаков: прямой ствол рукоятки с четко выраженным рикассо; узкие закраины по всему стволу рукоятки, часто на рикассо переходящие в крылья; клинки узкие, прямые или чуть овальные, нередко имеющие срединное ребро или прочерченные бороздки. Изучение фактического материала позволило М.Н.Погребовой сделать вывод об иранском происхождении кавказских кинжалов переднеазиатского типа, время проникновения их на Кавказ определить концом II - началом I тысячелетия до н.э., наметить путь проникновения: Иранский Луристан, Северо-Западный Иран, Южный Прикаспий, Юго-Восточное Закавказье, другие районы Кавказа.

Наряду с иранским происхождением кавказских кинжалов переднеазиатского типа, нельзя отрицать возможность и другого направления - восточносредиземноморского. Путь проникновения: Восточное Средиземноморье, Западное и Южное Закавказье, Центральное Закавказье, Северный Кавказ. Учитывая современные датировки изучаемых кинжалов на разных территориях, автор относит время их проникновения на Кавказ к началу второй половины II тысячелетия до н.э.

Таким образом, форма переднеазиатского кинжала, будучи широко распространенной в культурах Древнего Востока, могла проникнуть на Кавказ из двух областей, однако передаточной средой для проникновения их на Северный Кавказ в обоих случаях было Цент-

ральное Закавказье и прилегающие к нему районы. Оттуда происходят ближайшие аналогии северокавказским находкам: Цхинвали, Стырфаз, Кавтисхети, Магиро, Земо Бодбе, Богви, коллекция Эчмиадзинского музея и др. Попав в горы Северного Кавказа в докобанский период, переднеазиатские кинжалы, вероятно, были известны и в раннекобанский период.

Особенности строения рукояток рассмотренных кинжалов легли в основу многих кобанских кинжалов. Среди них кинжалы с прорезной рукояткой, происходящие из Верхней Рутхи, Кобани, из окрестностей г.Нальчика, из Терской области, Кумбулты (8 экземпляров). Аналогии в Закавказье отсутствуют. Исключение составляет Бешташенский могильник. Сходные находки известны в Тлийском могильнике. Их более ранняя датировка (XII-XIII вв. до н.э.) позволила Б.В.Техову считать, что кинжалы с прорезной рукояткой распространились в другие районы Кавказа из Тли. Сравнение тлийских и северокавказских находок демонстрируя их явные отличия, свидетельствует о местном производстве последних.

Кинжалы кахетинского типа известны из Кобани, Фаскау, Кумбулты, Майртупа (5 экземпляров). Подобные кинжалы были широко распространены в Восточной Грузии в XII-УП вв. до н.э. Их происхождение связывается с кинжалами переднеазиатского типа. К.Н.Пицхелаури разработана классификация кинжалов кахетинского типа, которой придерживаемся и мы в данной работе.

Кинжал из Фаскау (коллекция П.С.Уваровой) отнесен нами к III подтипу, распространенному в основном в среднем течении Иори и Аладани и встреченному в Шида Картли. Кинжал из Кумбулты и второй кинжал из Фаскау (коллекция Б.Дзелихова) отнесены к IV₁ подтипу, характерному для нижнего течения Аладани и в Гаре Кахети на рубеже II-I тысячелетия до н.э. - УП-УП вв. до н.э. Кинжал из Кобани принадлежит к IV₃ подтипу, бытовавшему в верхнем течении Иори и Аладани и в районе р.Лшавис Арагви в XI-X вв. до н.э. Вероятное время проникновения указанных кинжалов на Северный Кавказ - конец II - самое начало I тысячелетия до н.э. Особенности кинжала из Майртупа (иные пропорции, наличие четырех нервюр на лезвии) позволяет говорить о его местном производстве по закавказскому образцу (С.Л.Дударев), который стал известен обитателям Юго-Восточной Чечни в последние века II тысячелетия до н.э. через

посредство обитателей древнего Дагестана. Последние поддерживали связи с обитателями Иоро-Алазанского бассейна и им были известны кинжалы кахетинского типа.

Кинжал из окрестностей г. Грозного является изделием привозным, характерным для культуры Михета-Самтавро в XIУ-XII вв. до н.э. Единичные находки известны в Кахети (Цинацдели, Гулгула, Шилда). Кинжал иллюстрирует непосредственный обмен между северокавказскими и шидакартлийскими племенами на раннем этапе развития взаимосвязей между ними. В плоскостную часть Чечено-Ингушетии он мог попасть в ходе расселения кобанских племен.

Кинжалы со следами закавказского влияния в оформлении рукоятей происходят из Галиата, Кобани, Верхней Рутхи, "Донифарса" (б. экземпляров). Они подразделяются на три вида. Традиция украшения рукоятей кинжалов прорезными треугольниками и полосами ведет в материальную культуру Армении и Азербайджана конца II тысячелетия до н.э. (М.Н.Погребова). Познакомиться с ней горцы Северного Кавказа могли в ходе контактов с племенами Шида Картли в период, когда происходило формирование кобанской культуры. Об этом свидетельствует кинжал из раскопок В.И.Долбекова, датированный XIII-XII вв. до н.э. (В.И.Козенкова), а также кинжалы из Церовани-П, Грма-Геле, Навтуги, свидетельствующие о знакомстве шидакартлийцев с этой традицией.

Кинжалные клинки закавказских форм представлены несколькими типами. Бронзовые безчерешковые клинки с отверстиями для крепления рукоятей, имеющие листовидные или ромбические очертания известны из Сержень-Юртского, Майртупского-2, Аллероевского-1, Зандакского могильников, из Бачи-Юрта, Чми, Беахни-Купа, Кумбулты, Кобани, из могильника у р.Эшакон. На Северном Кавказе они известны уже в "дигорской группе", предшествующей кобанской культуре. Продолжают бытовать в раннекобанский период, а после расселения кобанцев становятся составной частью материальной культуры плоскостных племен, доживая до УШ-УП вв. до н.э. В Юго-Восточную Чечню плоские кинжалные клинки могли попасть через посредство каякентско-хараочеевских племен Дагестана.

Рассматривая вопрос о происхождении этого вида оружия, автор, основываясь на выкладках Г.К.Кавтарадзе, делает вывод о возможности занесения на Кавказ указанных форм из Малой Азии и бас-

сейши Эгейского моря, где кинжалные клинки рассматриваемых типов (с черешками и без них) бытовали с III тысячелетия до н.э.

Кинжалные клинки пламевидной формы, характерные для раннекобанской культуры и довольно широко распространенные в Шида Картли, наиболее ярко иллюстрируют тесные взаимосвязи изучаемых племен. Самые ранние клинки (Самтавро, Квасатали, Бечтамени) датируются учеными XIУ-XII вв. до н.э., самые поздние (Тли, Брили, Северный Кавказ) – УШ-УП вв. до н.э. (Р.М.Абрамишвили, О.М.Джапаридзе; Л.Н.Панцхава). Столь поздняя датировка северокавказских находок не выдерживает критики: есть все основания датировать их раннекобанским периодом. По материалам Центрального Кавказа и Шида Картли удается проследить развитие пламевидной формы клинка от простейших плоских клинков листовидной и подтреугольной формы, что подтверждает мнение Б.В.Техова и Е.И.Крупнова о местных исходах этого оружия.

В памятниках Северного Кавказа конца II – начала I тысячелетия до н.э. известно более 20 наконечников копий, происхождение которых ведет в Центральное Закавказье – Шида Картли, Кахети, Северную Армению. Они подразделяются на два вида: с несомкнутой и цельнолитой втулкой. Первые известны из Верхней Рутхи, Сержень-Юрта, Кобани. Ближайшие аналогии ведут в район Самтавро, где наконечники копий с несомкнутой втулкой были особенно характерны в XIУ-XII вв. до н.э. (М.В.Барамидзе). Вторые известны из Ахкинчу-Борзоя, Сержень-Юрта, Фаскуа, Зандака, Эгикальского склепа, Рони-Чу, Майртупских могильников № 2 и 4. Среди них выделяется три типа (с первом удлиненно-листовидной, лавролистной и ланцетовидной форм), некоторые имеют парные рельефные пояски на втулке. Подобные образцы широко бытовали в Кахети: в XIII-IX вв. до н.э. – с валиками на втулке, в XII-УШ вв. до н.э. – с гладкой втулкой (К.Н.Пицхелаури).

Хорошо изучены наконечники копий из Чечено-Ингушетии (В.И.Козенкова, С.Л.Дударев, Т.Б.Барцева). Датировка их установлена в рамках рубежа II-I тысячелетия до н.э. – УШ-УП вв. до н.э. Однако исследования последних лет на Майртупском могильнике № 2 позволяют датировать отдельные экземпляры концом II тысячелетия до н.э. (С.Л.Дударев), и предполагать возможность проникновения их форм в Юго-Восточную Чечню до прихода кобанцев, через посредство

обитателей Дагестана. Там подобное оружие датируется XI-X вв. до н.э. (В.Г.Котович, О.И.Давудов).

Бронзовые плошки происходят из многочисленных памятников конца II - начала I тысячелетия до н.э. Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (несколько десятков экземпляров). Автором разработана их классификация с учетом исследований В.И.Козенковой и новых материалов: выделено пять типов по форме черешка с подразделением I, II на два подтипа и III на три подтипа. Древнейшими считаются крупные литые плошки (Сержень-Юрт, Майртуп-2, Терезинская гробница №2, Фаскау), позднейшими - плошки малых размеров, вырезанные из бронзового листа (Балан-Су, Луговой, Несторовский могильники и др.).

В Центральном Закавказье в эпоху поздней бронзы бытовали плошки двух видов: безчерешковые, подтреугольной формы и с черешками различной формы. Северокавказские находки проявляют большое сходство с экземплярами последнего вида из Шида Картли. Их датировка установлена в пределах XI-XIII - VI вв. до н.э. Проникновение традиции изготовления бронзовых плошек на Северный Кавказ могло произойти в ходе контактов с шидакартлийцами в период формирования кобанской культуры. Не исключена возможность самостоятельного развития кобанских плошек от более ранних костяных уплощенных стрел "дигорской группы" (Д.В.Деопик) и обмена ими в ходе указанных контактов.

Костяные уплощенные наконечники стрел с удлиненными черешками известны в памятниках Северного Кавказа последней трети II - начала I тысячелетия до н.э. (Беахни-Куп, Зандак, Амлерой-1, Эмейское, Сержень-Юрт - более 10 экземпляров). Ближайшие аналогии им происходят из древнейших могил Самтавро. Проникновение этого вида вооружения на Северный Кавказ относится к докобанскому периоду (Е.И.Крупинов).

В Главе III рассматриваются орудия труда, принадлежности одежды, украшения и предметы культа, свидетельствующие о южных связях северокавказских племен.

Бронзовые плоские тесла представлены двумя видами: с ровными боковыми гранями и с боковыми выступами различной формы. Первые происходят из Бекешевского и Боргустанского кладов, Сержень-Юртовского и Майртупского-2 могильников (6 экземпляров).

Вторые подразделяются на два типа: с зубовидными и тупоугольными выступами. Известны они из Боргустанского клада, Березовского могильника, Сержень-Юртовского могильника и поселения, из могильника у р.Эшкакон, "Индустрия", из с.Курп (более десяти экземпляров). Их датировка устанавливается самим концом II тысячелетия до н.э. - VII-VI вв. до н.э.

На основе опыта предшественников (Б.А.Куфтин, О.И.Джаларидзе, Д.Л.Коридзе) и при учете новых находок автором разработана классификация кавказских тесел с боковыми выступами. Выделены четыре типа (с зубовидными, плечиковидными, тупоугольными, гибридными выступами), с подразделением каждого типа на три подтипа. Северокавказские тесла с зубовидными выступами относятся к I₁ подтипу, который был характерен для Горной Колхиды в XI-VII вв. до н.э. Северокавказские тесла с тупоугольными выступами относятся к I₂ подтипу, распространенному в Юго-Западной части Колхиды в основном в XII-XI вв. до н.э., доживающему до VII-VI вв. до н.э. Происхождение кавказских тесел названных типов связывается с влиянием Малой и Передней Азии.

В Шида Картли и Кахети бытовали тесла II и III типов (с плечиковидными и гибридными выступами). Подобные находки известны в памятниках Северо-Восточного Кавказа (Дидоевское общество, с.Чох).

Заимствовав формы тесел (северокавказские у закавказских, последние у малоазиатских) местные племена воспроизводят их с учетом местных особенностей. Создаются новые типы тесел, характерные для определенных районов Закавказья : II₂ - в основном для Восточной Грузии, а также Армении и Азербайджана; II₃ - для Шида Картли; III₂ - для Западной Грузии; III₃ - для Кахети и Северной Армении.

Рассматривается вопрос и назначении тесел с боковыми выступами. Обосновывается универсальный характер этих орудий труда, возможность выполнения ими в хозяйстве древних кобанцев самых различных функций: кожевенного ножа, долота, стамески и др. Изучение тесел Кавказа наглядно демонстрирует распространение влияния древневосточных цивилизаций на Северный Кавказ через посредство закавказских племен.

На связи кобанской культуры с Центральным Закавказьем указывают обломки бронзового гравированного пояса из Кобани. С одной стороны, изображенные на них животные проявляют сходство со сти-

лем, характерным для кобанской культуры. С другой стороны, традиция изготовления бронзовых гравированных поясов и аналогии в деталях ведут в Центральное Закавказье и на южные склоны Главного Кавказского хребта (Маралы-Дереси, Дманиси, Хирс, Тли и др.). Отмеченное сходство не случайно: в первые века I тысячелетия до н.э. на территории Кавказа распространяются единые формы изобразительного искусства, с общими стилистическими чертами и единым содержанием. Это свидетельствует об устоявшейся системе культовой символики, отражающей общие религиозные и мифологические воззрения обитателей Кавказа, сложившиеся в результате длительных и тесных контактов.

Среди принадлежностей одежды и украшений рассмотрены: булавки с завернутыми в трубку головками, с прямым и витым стержнем; шейные гривны из витой проволоки; очковидные подвески с закрученными в спираль концами; дугообразные фибулы; выпукло-вогнутые пуговицы с узкой перемычкой на обороте; привески в виде секиры; дисковидные выпукло-вогнутые бляхи с двумя отверстиями; булавки с пятиконечными и гвоздековидными головками и др. Будучи распространеными на Северном Кавказе и в различных районах Центрального Закавказья, некоторые из них являются общекавказскими формами. Их изучение дает дополнительные данные о постоянных и долговременных контактах между обитателями различных областей Кавказа.

Предметы культа представлены глиняными штампами-пинтадерами. Они известны почти исключительно из поселений начала I тысячелетия до н.э. с территории Чечено-Ингушетии: Сержен-Юрт (17), Алхасте (5), Бамут (5), Замни-Юрт (1), Алхан-Кала (1), Ханкала (1), Джалка (1), "Злобный окоп" (1), Мескеты (1). Есть сведения о находках штампов в Кисловодской котловине. Чечено-Ингушские штампы разделены В.И.Козенковой с учетом морфологического строения на три типа: грибовидной формы, в виде катушек, овальной формы (с подразделением внутри типов с учетом орнаментации).

Изучены глиняные штампы Кавказа. Отмечено большое сходство чечено-ингушских находок с восточногрузинскими и отчасти азербайджанскими как в морфологическом строении, так и в орнаментации рабочих поверхностей. Определенные различия (отсутствие некоторых видов орнамента, разные формы ручек и др.) указывают на

местное производство этих предметов в каждом районе.

Проработаны коллекции глиптики Малой и Передней Азии, Босточного Средиземноморья и бассейна Эгейского моря. Северокавказские, восточногрузинские, и отчасти азербайджанские штампы несут на себе следы финикритской и сиро-хеттской глиптики. Штампы Западной Грузии, отличаясь от них, проявляют сходство с печатями геометрического стиля в Передней Азии (М.Н.Лордкипанидзе).

Исследование показало, что традиция изготовления и использование штампов, их форма и орнаментация были занесены в Центральное Закавказье из указанных областей Древнего Востока в конце II тысячелетия до н.э., однако не прижились, что может объясняться более низким уровнем развития кавказских племен. В XI в. до н.э., когда в Восточной Грузии расцветает позднебронзовая культура, глиняные штампы получают широкое распространение. В ходе взаимосвязей древнегрузинских племен с соседними племенами, традиция изготовления и использования штампов проникает на Северный Кавказ, в Азербайджан и другие районы. Отсутствие находок глиняных штампов в горах Северного Кавказа объясняется прежде всего отсутствием раскопанных бытовых памятников.

Рассмотрен вопрос о назначении изучаемых предметов. Для грузинских штампов определены следующие функции: для опечатывания хранилищ и сосудов, как печати ремесленников, для орнаментации судов (М.Н.Лордкипанидзе). Дополнительные сведения дают находки последних лет из окрестностей Мцхета-Самтавро: штампы найдены в погребениях, в помещении для выпечки хлеба, в культовом помещении (Л.Цитланадзе, А.Апакидзе и др.). Азербайджанские штампы применялись для опечатывания шлюзов ирригационных каналов, связок снопов, для опечатывания складов и зернохранилищ (Т.М.Асланов, С.М.Казиев), для орнаментации священных хлебцев (И.Г.Нариманов). Чечено-ингушские штампы применялись: для орнаментации хлебцев, сыра, воска с целью предохранения от злых сил и для использования в ритуальных церемониях; для татуировки тела человека; возможно, для орнаментации грубой шерстяной ткани (Е.И.Крупнов, В.Б.Виноградов). Отсутствие следов краски подвергает сомнению два последних способа применения штампов (Б.В.Техов, Г.Ф.Джафаров).

Автором обосновывается необходимость учета социально-экономического развития северокавказского общества при решении вопроса о

назначении штампов. Предполагая некую социальную окраску атрибуции северокавказских пинтадер следует помнить, что на первом месте все же стоит магическая роль как самого предмета, так и изображения на нем (В.К.Афанасьева).

Рассмотрение в III главе категории предметов позволяет сделать выводы о том, что в ходе тесных, регулярных и длительных этнических связей изучаемых областей Кавказа складывались сходные формы бытового уклада, идеологических представлений, религиозных воззрений и др. Шедшее впереди Закавказье благотворно влияло на развитие северокавказских племен.

В Главе IV воссоздана общая картина изучаемых связей.

Археологический материал последней трети II – начала I тысячелетия до н.э. свидетельствует о существовании довольно тесных контактов между обитателями Северного Кавказа и Центрального Закавказья, и прежде всего Шida Картли и Кахети. Изделия южного облика представлены чистым импортом, характеризующим непосредственный обмен, и местными подражаниями закавказских и древневосточных образцов, в чем проявляется непосредственное и опосредованное культурное влияние.

Начало активизации изучаемых связей фиксируется в докобанский период (XIII в. до н.э., а возможно и ранее). В это время на северные склоны Главного Кавказского хребта проникают плоские кинжалные клинки, кинжалы переднеазиатского типа, костяные наконечники стрел, вероятно, булавки с закрученными головками, наконечники копий с несомкнутой втулкой и др. Причины усиления связей горцев Северного Кавказа и шидакартлийцев лежат в области социально-экономического развития этих племен и во внешнеполитической ситуации. Район Мхета-Самтавро издавно был перекрестком торгово-магистральных путей и зоны соприкосновения различных этнокультурных общин Закавказья. Это обеспечивало быстрое развитие местных племен. В изучаемый период здесь расцветает высокоразвитая позднебронзовая культура. Хорошо наложенное бронзолитейное производство, развитое земледелие в плодородных равнинах, высокий уровень развития скотоводства, расцвет ремесел создали объективные предпосылки для развития обмена и торговли с соседними племенами. Этому способствовала и сложившаяся система отгонного скотоводства. Одним из направлений перегона скота на летние пастбища из

Шida Картли были ольпийские луга высокогорий Северного Кавказа, где и происходили первые контакты. В этот период они осуществлялись по формуле "влияние-заимствование", так как изучаемые племена стояли на разных уровнях развития. Закавказские племена, несомненно, опережали в своем развитии обитателей Северного Кавказа, чему, в частности, способствовало влияние древневосточных цивилизаций.

В XII в. до н.э. с южного склона Главного Кавказского хребта на северный переселяются племена (Б.В.Техов). Принеся с собой определенные формы материальной культуры, они воспринимают и элементы местной культуры, среди которых уже были отмеченные закавказские прототипы. Расцветает кобанская культура и они продолжают развиваться и распространяться, войдя составной частью в раннекобанский комплекс. Древние кобанцы XII-X вв. до н.э. продолжают регулярные контакты с обитателями Восточной Грузии. В этот период они преобретают характер взаимовыгодного обмена. На Северный Кавказ поступают новые виды вооружения (цельнолитые наконечники копий, кинжалы кахетинского типа) и другие изделия Центрального Закавказья. С Северного Кавказа на юг проникают кинжалы кобанского типа, пряжки овальной формы, бляхи и другие предметы (М.В.Бардзиладзе, Г.А.Ломтадзе).

Ориентации северокавказских племен на Закавказье в последней трети II тысячелетия до н.э. могли способствовать фиксируемое археологически проникновение на Северный Кавказ позднесрубных племен (В.А.Сафронов, В.И.Козенкова, С.Л.Дударев) и возможное продвижение индоиранцев из степей Поволжья в Переднюю Азию через Кавказ (Е.К.Кузьмина, Э.А.Грантовский, М.Н.Погребова, С.Л.Дударев). Возможно, с этими военными акциями связаны известные факты миграции групп населения Северного Кавказа в Центральное Закавказье в конце II тысячелетия до н.э.: каякентско-харабаевских в Кахети, ^{предположительно} кобанских в район Самтавро (К.Н.Пицхелаури, Г.А.Меликишвили).

На рубеже II-I тысячелетия до н.э. начинается расселение кобанских племен в предгорно-плоскостные районы Северного Кавказа. В ходе расселения кобанцы несут с собой основные формы материальной культуры XII-X вв. до н.э., в числе которых и закавказские заимствования, творчески переработанные и ставшие органической частью культуры. В начальные века I тысячелетия до н.э. они про-

должают бытовать, воспроизводятся в местных мастерских и наиболее поздние из них далеко отстоят от своих первоначальных южных прототипов. Одной из причин миграции могло быть изменение отношений с более сильными южными соседями - племенами Шида Картли, у которых на рубеже II-I тысячелетия до н.э. начинается переход от бронзы к железу, охарактеризованный Ф.Энгельсом как период военной демократии. В условиях Кавказа нехватка плодородных пастбищ для выпаса возросших стад могла стать причиной военных конфликтов между кобанцами и шидакартлийцами. К этому времени относится переселение группы населения из района Арагвского ущелья на Северный Кавказ, в окрестности Шаро-Аргуна (С.Л.Дударев). С началом I тысячелетия до н.э. изучаемые связи не прекращаются, но меняется их характер, регулярность, интенсивность и другие аспекты.

Исследование характера закавказских заимствований в плоскостных и предгорных памятниках Чечено-Ингушетии позволяет предполагать, что, с одной стороны, южные формы были занесены сюда переселившимися кобанцами, с другой стороны, местные автохтоны до прихода кобанцев могли испытывать влияние из Закавказья через посредство древних обитателей Дагестана. Подтверждением этому служат докобанские материалы на Майртупском могильнике № 2, среди которых имеется оружие закавказского типа, и недавно высказанная гипотеза о существовании докобанского слоя на Сержень-Юровском поселении (С.Л.Дударев).

Сделаны выводы о большом значении изучаемых связей. Благодаря им стало возможным перевооружение местных племен. Они стимулировали развитие всех отраслей хозяйства, оказывали воздействие на общественную структуру, их влияние ощущалось в духовной сфере и быту северокавказских племен.

Благодаря связям с Закавказьем на Северный Кавказ распространялось влияние Малой и Передней Азии, Восточного Средиземноморья и бассейна Эгейского моря. Оно выражалось в проникновении форм и традиций передовых культур древневосточных цивилизаций, которые первоначально попадая в Закавказье, были творчески переосмыслены в местных культурах. Став их составной частью, они начинают проникать на Северный Кавказ вместе с образцами закавказских типов. Судя по археологическому материалу, Северный Кавказ являлся той границей распространения опосредованного влияния Древнего Востока в конце II тысячелетия до н.э., за которой оно решительно ослабевало.

Делается выводы о бытования в изучаемую эпоху " первобытных" денег (главными эквивалентами в процессе обмена были скот и металл в различной форме), о существовании посредников в обмене, что подтверждается находками многочисленных кладов в Закавказье, а также на Северном Кавказе (Боргустанский клад, Верхняя Рутха).

В Заключении формулируются основные выводы исследования.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы :

1. Некоторые итоги разведок памятников начала раннего железа в Пятигорье и Чечено-Ингушетии// Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1979. - С. 18-27 (в соавторстве с С.Л.Дударевым).

2. Отражение хозяйственной, социальной и духовной жизни общества в искусстве древних кобанцев// Археология и краеведение - вузу и школе. - Грозный, 1981 . - С. 21-23.

3. К изучению материалов рубежа II/I - начала I тысячелетия до н.э. из плоскостной Чечено-Ингушетии// Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии/. - Грозный, 1982. - С. 62-70 (в соавторстве с Р.А.Даутовой и С.Л.Дударевым).

4. Новые данные о цветной металлобработке у населения Чечено-Ингушетии первой половины I тысячелетия до н.э.// Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. - Грозный, 1984. - С. 30-35.

5. К вопросу о южных связях кобанских племен// Археология и краеведение - вузу и школе. - Грозный, 1985. - С. 37-39.

6. К вопросу о южных связях кобанских племен/бронзовое оружие и орудия труда/ // Известия АН Груз.ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. - Тбилиси, 1986. - Т.1 (в соавторстве с В.Б.Виноградовым).

7. К хронологии закавказских заимствований в кобанской культуре // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. - Орджоникидзе, 1987. - С. 55-63.

8. Об одной разновидности орудий труда древних кобанцев// Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1987. - С. 16-20.